

DOI: 10.22250/20728662-2025-2-104-111

Пахомов С.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, 26
sarpa68@mail.ru

Представления о йоге в учении Г.И. Гурджиева

Аннотация. Данная статья раскрывает особенности представлений известного мистика Г.И. Гурджиева о йоге. Несмотря на подчёркнутую психопрактичность учения, Гурджиев почти не упоминает в своих сочинениях слово «йога», равно как и другие слова из санскритского йоговского лексикона, за исключением термина «кундалини», которому он даёт оригинальную трактовку. Между тем много раз термин «йога» упоминается в труде П.Д. Успенского «В поисках чудесного», прежде всего применительно к «пути йогина». Хотя «путь йогина» и может относиться к традиционной индийской йоге, для Гурджиева это прежде всего удобный конструкт, объясняющий работу интеллектуального центра человека. В статье проводится различие между «слабым» и «сильным» йогинами как людьми, имеющими знание без понимания и с пониманием соответственно. Гурджиев критиковал традиционную индийскую йогу за неэффективность в условиях современной действительности. Критикует он и подражательные формы вестернизированной йоги, полагая, что они могут привести человека к опасным последствиям. Своё учение он позиционировал как самостоятельное и оригинальное, соглашаясь называть его йогой только в переносном смысле («айда-йога»).

Ключевые слова: Гурджиев, йога, айда-йога, Успенский, Йог Рамачарака, «путь йогина», кундалини

Sergey V. Pakhomov

Herzen State Pedagogical University
26 Malaya Posadskaya, St. Petersburg, 197046, Russia
sarpa68@mail.ru

The Ideas about Yoga in G.I. Gurdjieff's Teaching

Abstract. The article reveals the peculiarities of the famous mystic G.I. Gurdjieff's ideas on yoga. Despite the emphasis on the psycho-practical nature of his teachings, Gurdjieff almost never uses the word "yoga" in his works, nor any other Sanskrit-based terms, except for the term "kundalini", which he interprets in an original way. Meanwhile, "yoga", as a concept, is mentioned frequently in P.D. Uspensky's work "In Search of the Miraculous", primarily in relation to "the way of the yogi". Although this path may refer to traditional Indian yoga, it is primarily seen by Gurdjieff as a convenient construction that explains the functioning of a person's intellectual center. The article distinguishes between "weak" and "strong" yogis, those who have knowledge but lack understanding, and those who do, respectively. Gurdjieff criticizes traditional Indian yoga for being ineffective in modern times. He also criticizes imitative forms of Westernized yoga, believing that they can lead to dangerous consequences. He shows his teaching as independent and original, preferring to call it "haida-yoga" in a figurative sense.

Key words: Gurdjieff, yoga, haida-yoga, Uspenski, Yogi Ramacharaka, "way of the yogi", kundalini

Введение

Существует множество определений йоги, созданных как в различных индийских традициях, так и в академических кругах, изучающих подобные направления. Как нам представляется, эти определения могут быть сведены к трём основным группам: 1) максимально возможное, наивысшее для человека состояние сознания или духа, т.е. некая возвышенная цель; 2) практическое средство или совокупность средств достижения такого состояния; 3) наконец, та или иная школа во главе с ха-

ризматичным лидером. Кроме того, порой йогу понимают не только в узком (индийском) смысле, но и в более широком, пытаясь найти её, например, в суфизме, даосизме, христианстве или каббале.

В нашей статье речь пойдёт о том, как понимал йогу Георгий Иванович Гурджиев (ок. 1874–1949) – известный греко-армяно-русский мистик, создатель оригинальной практической системы «четвёртый путь». Незадолго до начала Первой мировой войны, в промежутки между 1911 и 1913 гг., Гурджиев после долгих странствий по Ближнему Востоку и Средней Азии появляется в центре Российской империи (Москва и Санкт-Петербург) с целью распространения своего метода развития человека. На тот момент для этого метода ещё не существовало закреплённого термина; Гурджиев называл его просто «Системой» или «Работой», но иногда и «эзотерическим христианством» [Ровнер, 2019, 165], а позже «айда-йогой». Была ли та практика, которую преподавал Гурджиев своим ученикам, йогической? Тем более если учесть, что он приехал с Востока, много странствовал и учился у различных мастеров, в том числе, вероятно, и у знатоков йоги? Мы постараемся ответить на этот вопрос в данной статье.

«Путь йогина»

Изучение текстовых источников гурджиевского учения («Рассказы Вельзевула своему внуку», «Встречи с замечательными людьми», «Жизнь реальна только когда я есть», «Вестник грядущего добра») производит своеобразное впечатление: несмотря на акцентированную психопрактичность учения, на обилие йогических элементов, он не использует привычную всем йоговскую санскритскую терминологию. Начнём с рассмотрения самого термина «йога». Как это ни странно, данный термин *крайне редко* упоминается в книгах самого Гурджиева или в записанных беседах с ним. В «Рассказах Вельзевула», гигантском труде на тысячу сто страниц, – ни одного упоминания, в «Жизни реальна как она есть» их тоже нет, как нет их и в «Вестнике грядущего добра», и только во «Встречах с замечательными людьми» указанное понятие встречается пять раз. Всего пять раз на четыре книги! В чём причина такой странности? Ниже мы ещё обратимся к этому вопросу.

Последователи Гурджиева тоже нечасто упоминали слово «йога», а то не упоминали вовсе. Заметным исключением является работа П.Д. Успенского «В поисках чудесного»: там слово «йога» упоминается целых 50 (!) раз, используясь в специфическом ключе. Начать с того, что оно применяется «Гурджиевым Успенского» не самостоятельно, а в контексте «трёх путей» к бессмертию – «путь факира», «путь монаха» и «путь йогина». Данная троица претендует на развитие в человеке соответственно физического, эмоционального и интеллектуального «центров», причём каждый раз только одного из трёх, пренебрегая оставшимися. Таким образом, хотя движение по каждому из этих путей со временем должно привести к желанной цели бессмертия, они все-таки не свободны от односторонности.

Вот как излагает «путь йогина» сам Гурджиев (в версии Успенского): «Путь йогина заключается в том, чтобы работать в третьей комнате, чтобы стремиться войти в четвёртую комнату при помощи знания. Йогин достигает четвёртой комнаты (бессмертия – С.П.), развивая ум; но тело его и эмоции остаются неразвитыми; подобно факиру и монаху, он не способен воспользоваться результатами своих достижений. Он знает всё, но не может ничего делать. Чтобы начать делать, он должен добиться власти над телом и над эмоциями, т.е. над первой и второй комнатами. Для этого ему необходимо снова приняться за работу и достичь некоторых результатов за счёт продолжительных усилий. Однако у него есть преимущество: он понимает своё положение, знает, чего ему не хватает, что он должен сделать, в каком направлении идти. <...> на пути йогина лишь немногие достигают того уровня, на котором человек знает, куда идёт. А большинство йогингов останавливаются на каком-то одном достижении и дальше не идут» [Успенский, 1999, 63–64].

Что же представляет собой этот «путь йогина», имеет ли он какие-то основания в реальном мире? С какой конкретной школой он соотносится? На эти вопросы нелегко ответить. Гурджиев, с одной стороны, отвлекается от частных различий между конкретными системами, с другой, за этим путём всё-таки могла бы стоять какая-то школа, истолкованная им на оригинальный манер. А.Н. Мошкин отожд-

дествляет каждый из трёх путей с конкретным религиозным направлением: путь факира – с исламом (вероятно, имеется в виду суфизм), путь монаха – с христианством, а путь йогина – с буддизмом [Мошкин, 2021, 218]. Будь это так, мы добавили бы, что применительно к пути йогина имеется в виду буддийская практика дхьяны. Гурджиев вполне мог встречать буддистов во время своих восточных путешествий, общаться с ними, учиться у них. Тем не менее, на наш взгляд, это просто удобный для Гурджиева технический термин, который он использует по своему усмотрению, так что его воображаемый «йогин» имеет к реальным йогинам только отдалённое отношение. Это условная конструкция, служащая цели объяснения «работы» с интеллектуальным центром.

Столь же метафоричен и другой образ, который он использует применительно к йоге – «слабый йогин». В «Поисках чудесного» Гурджиев проводит различие между так называемой «линией знания» и «линией бытия» и делает следующий вывод: «...Развитие линии знания без развития линии бытия даёт *слабого йогина* <...> Иными словами, человек много знает, но ничего не может сделать; это человек, который *не понимает* <...> того, что знает, человек, не обладающий *правильной оценкой*. <...> А развитие линии бытия без знания даёт *глупого святого*, т. е. человека, который может сделать много, но не знает, что делать или зачем делать; <...> В обоих случаях и *слабый йогин*, и *глупый святой* приходят к остановке; ни один из них не в состоянии двигаться и развиваться дальше» [Успенский, 1999, 92–93].

В данном случае Гурджиев продолжает тему односторонности, но на сей раз не столько практической односторонности каждого из путей, сколько нарушения равновесия между, так сказать, теорией и практикой. «Теорию» символизирует «слабый йогин», «практику» – «глупый святой». С другой стороны, Гурджиев развивает тему работы с интеллектуальным центром, по сути дела, разделяя знание на *два вида* в соответствии с критерием понимания – знание с пониманием и знание без понимания. И оба вида знания ассоциируются с образом йогина. Можно знать, но не понимать: тогда это «слабый йогин». Если же знание сопровождается пониманием, это, в теории, должно порождать фигуру, условно говоря, «сильного йогина». Правда, такой термин у Гурджиева отсутствует, но частично на него может намекнуть всё тот же «путь йогина». Судя по контексту, этот третий путь превосходит первые два, факира и монаха, именно потому, что обладает пониманием, пускай и не абсолютным. Гурджиев говорит: «У него есть преимущество: он понимает своё положение, знает, чего ему не хватает, что он должен сделать, в каком направлении идти. Но, как и на пути факира или монаха, очень немногие обретают такое понимание...» [Успенский, 1999, 63]. Эффективности йогина можно даже придать какую-то числовую величину. Так, по словам Гурджиева, «йогин тратит на ту же самую вещь всего один день в сравнении с месяцем, затраченным факиром, и неделей, затраченной монахом» [Там же, 69]. Интересно, что в другом месте этот «Успенский Гурджиев» заявляет, что йогины следят за факирами, и если те достигают того, к чему стремились, то забирают в свои школы, т.е. они достигают определённой зрелости [Там же, 62].

Таким образом, в метафорическом образе йогина выявляются две ступени, слабая и «сильная», однако даже последняя из них уступает по своей эффективности четвёртому пути. Три первых пути выглядят односторонними, и, кроме того, требуют отречения от мира. Поэтому они перестали отвечать текущему историческому моменту, в условиях современности они, по мнению Гурджиева, «выродились», потеряли связь с жизнью [Там же, 66]. К тому же все они чересчур трудоёмки и тесно связаны с религией. Кроме того, эти пути уходят в глубокую древность и погрязли в традиционном духе, который не поспевает за требованиями дня, они не отвечают запросам современности.

Четвёртый путь

Путь же, предложенный Гурджиевым, такого отречения не требует и на религию не ориентирован. Он очень современен, протекает в гуще повседневности и реализуется в группе единомышленников, спаянных общей целью. Этот путь, названный Успенским «четвёртым», с одной стороны, превосходит остальные, с другой – вбирает их в себя. Он не имеет чётких очертаний, пластичен, не завязан на религии, действует одновременно в трёх «комнатах», т.е. центрах. Он называется

«путём хитреца», поскольку его сложно уловить, и оставляет далеко позади себя даже «путь йогина», самый, казалось бы, лучший из имеющихся на данный момент путей духовного развития для человечества.

Сам Гурджиев, впрочем, не использовал для своей системы понятие «четвёртый путь», хотя и был с ним знаком. По воспоминаниям Томаса (Фомы) де Гартмана, он применял другое слово – «айда-йога», беря русское разговорное междометие «айда» для обозначения ускоренного пути: «“Айда-йога” – это быстрая йога, которая даёт ученику возможность узнать больше за короткий период времени» [Гартман, Гартман, 2019, 96]. Любопытно, что от «йоги» он вроде и не отказывается, но при этом как бы вышучивает её, пародирует, изобретая неологизм. Он словно стыдится того, что его система может быть как-то сопоставлена с йогической практикой. В другом месте своих мемуаров Гартман упоминает, что в Ессентуках к Гурджиеву подошёл как-то пожилой человек и «начал важно рассказывать о “хатха-йоге” и прочем, но г-н Гурджиев быстро его прервал, сказав: “Хорошо, но моя йога называется айда-йога”», чем совершенно сбил с толку вопрошавшего [Там же, 101]. Так он бесцеремонно отваживал «непосвящённых», которые могли счесть, что в системе Гурджиева есть нечто для них знакомое (по книгам, например), между тем как Гурджиев старался показать, что его система совершенно оригинальна и к йоге в привычном смысле отношения не имеет. Простецкий термин «айда-йога» служит водоразделом между «профанами» и настоящими учениками. Сравните его с другим неологизмом, придуманным примерно в то же время, – «агни-йога» Рерихов: сколько в нём величественности, пафоса, ощущения великой миссии, лежащей на плечах её основателей. Ничего подобного в айда-йоге мы не встречаем. Напротив, она старается скрыться от любопытных глаз, посмеиваясь над собой.

В одной из своих бесед в Нью-Йорке (от 20 февраля 1924 г.), опубликованных во «Взглядах из реального мира», Гурджиев сообщает: «Четвёртый путь – это путь “хайда-йоги”. Он напоминает путь йоги, и в то же время кое-чем от него отличается. Подобно йогину, “хайда-йогин” изучает всё, что можно изучить. Но он обладает большими средствами познания, чем те, которые известны обыкновенному йогину. <...> Предположим, чтобы добыть некоторое вещество, йогину необходимо выполнить какое-то дыхательное упражнение. Он знает, что ему нужно лежать и дышать в течение определённого промежутка времени. “Хайда-йогин” также знает всё, что знает йогин, делает то же, что и он. Однако у “хайда-йогина” есть особый аппарат, с помощью которого он собирает из воздуха элементы, требующиеся для его тела. “Хайда-йогин” бережёт время, потому что знает эти тайны. Йогин тратит пять часов, а “хайда-йогин” – один час. Последний использует знание, которого нет у йогина. То, что йогин делает за год, “хайда-йогин” делает за месяц. И так во всём» [Гурджиев, 2021, 224–225]. Здесь мы также встречаем пропорциональные соответствия, похожие на упомянутые выше Успенским (день йогина – неделя монаха – месяц факира), при этом «хайда-йогин», которого вполне можно отождествить с «сильным йогиним», противопоставлен не «слабому йогину», а, условно говоря, «обыкновенному йогину», т.е. представителю обычных йогических школ.

Любопытно, что, несмотря на ошибку в переводе (вместо «айда» переводчик буквально транскрибирует английское написание этого же слова, *haida*), оно по крайней мере по звучанию может быть сопоставлено со словами, несущими определённый смысл в системе Гурджиева – в частности, *guide* (руководитель, лидер, гид) и *hide* (скрываться, прятаться), т.е. английский вариант *haida-yoga* оказывается понят как «сокровенная йога» или же «йога, [преподанная] руководителем [школы]», и эти коннотации удачно сопрягаются как со склонностью Гурджиева к утаиванию каких-то вещей в практике, так и с его позиционированием себя как уверенного, решительного лидера, предлагающего новый и эффективный метод совершенствования.

Система Гурджиева не отказывается от того, чем характеризуется любая школа йоги – от практических средств, ведущих к преобразованию сознания – однако категорически противится тому, чтобы вести своё происхождение от каких-то конкретных йогических школ, поскольку они «выродились» и не отвечают духу времени. Поэтому он и избегает пользоваться словом «йога» для обозначения своих практик, а если и применяет его, то в оригинальном ключе («айда-йога»).

Гурджиев и вестернизованная йога

Поговорим теперь о его отношении к новым, вестернизованным формам йоги, претендующим на связь с «индусской философией». Согласно своему труду «Встречи с замечательными людьми», в молодости Гурджиев занимался духовными поисками, и, среди прочего, занимался йогой: «Надо сказать, что я в ту пору был очень ярким последователем пресловутых индийских йогов, и, между прочим, очень точно выполнял все указания так называемых “хатха-йогов”, и потому во время еды я старался как можно лучше разжёвывать пищу» [Гурджиев, 2017, 215]. Стоит отметить, что это редчайшее для «письменного» Гурджиева упоминание хатха-йоги. Тем не менее, возникает подозрение, что Гурджиев скорее опирался здесь на известного западного популяризатора йоги, Йога Рамачараку, или Уильяма Уокера Аткинсона (1862–1932), последователя движения «Новая мысль», чем на традиционные труды средневековой хатха-йоги. В частности, Рамачарака был автором книги «Хатха-йога» (1905; русский перевод вышел в 1909 г.). Там говорится следующее: «Йоги держат пищу во рту, медленно и аккуратно пережёвывая её до тех пор, пока она не проглатывается почти невольно, и они в полной мере испытывают наслаждение поглощения праны» [Йог Рамачарака, 1913, 58]. К теме медленного пережёвывания пищи Рамачарака обращается несколько раз. Подозрение, что Гурджиев подпитывался вестернизованной литературой по саморазвитию, усиливается, когда он упоминает во «Встречах...», чуть ниже, «гимнастику Мюллера»: «Я действительно тогда усиленно занимался гимнастикой, и хотя мне были известны все приёмы, рекомендуемые тоже индийскими йоговами, но я предпочитал придерживаться системы датчанина Мюллера» [Гурджиев, 2017, 216]. Книга известного датского спортсмена и тренера Йёргена Петера Мюллера (1866–1938) под названием «Моя система» вышла в свет в 1904 г., а через три года её перевели на русский [Мюллер, 1907]. Методика Мюллера наверняка должна была импонировать Гурджиеву, который с детских лет увлекся купанием в ледяной воде и физическими упражнениями.

Кроме того, Гурджиев упоминает в своих «Встречах», всё в том же эпизоде, и дыхательные упражнения. Он спрашивает своего собеседника, авторитетного дервиша: «...что вы думаете также о так называемом “искусственном-дыхании”? Я считаю это полезным, практикую его по указанию тех же йогов, а именно: вдыхая воздух, задерживаю его известное время и потом так же медленно выдыхаю» [Гурджиев, 2017, 217]. И снова мы видим здесь эхо Йога Рамачараки, который писал в «Науке о дыхании индийских йогов» (1904; рус. пер. 1913): «... изучается дыхание, начиная с культивирования естественного размеренного дыхания, медленного вдыхания, удерживания воздуха в течение известного времени и затем медленного выдыхания» [Йог Рамачарака, 2013, 27]. Совершенно очевидно, что Гурджиев был знаком с этой книгой.

Индийская йога в начале XX в. переживала на Западе бум, книги Рамачараки разлетались быстро, аналогичным успехом пользовались и труды Мюллера. Тем не менее исследователя может смутить то обстоятельство, что Гурджиев в своих воспоминаниях, скорее всего, опирается на книги, которые выходили в первое десятилетие XX в., хотя по логике вещей он уже давно должен был овладеть всей йоговской премудростью в своих странствиях по Востоку, причём из первых рук. Как можно объяснить этот странный казус?

По всей видимости, Гурджиев вплотную познакомился с новомодной йогой, бурно развивавшейся на Западе в начале XX в., именно в тот период, когда приехал в столицы Российской империи, причём в русских переводах, а не на языке оригинала. При этом он наверняка знал и традиционную йогу, не говоря уже о различных суфийских техниках, которые, в сущности, стали основой его практического учения. А к тому времени, когда он создавал свои «Встречи», т.е. в конце 1920-х гг., он уже имел большой опыт знакомства и с книгами Рамачараки, и с западными последователями йоги на основе системы Рамачараки, и ему эти последователи категорически не нравились. Не нравились прежде всего тем, что сложными и опасными практиками эти люди занимались без достаточного понимания и должной подготовки. В частности, он нередко обрушивался на неверное обращение с дыханием. В одной беседе, которая прошла в Чикаго 26 марта 1924 г., Гурджиев на вопрос, полезны ли эксперименты с дыханием, ответил следующее: «Вся Европа помешалась на дыхательных упражнениях. В течение четырёх или пяти лет я сколотил целое состояние, занимаясь лечением людей, которые разрушили этими упражнениями своё дыхание!» [Гурджиев, 2021,

185]. Гурджиев поясняет, что из-за механистичности людей (люди – это «машины», по его учению) дыхание у них тоже механистично, но в силу того, что люди к нему привыкли, они не чувствуют неверности, и их эта «квазигармония» вполне устраивает. Если же насильственно и резко менять эту установившуюся привычку, то это вызовет только дисбаланс организма, болезни. Если менять дыхание, предупреждает Гурджиев, надо менять и всё остальное – диету, отношение ко сну, вообще отношение к миру, «а это возможно только при полном знании» [Там же, 186]. Он говорит: «В тысячу раз лучше не вмешиваться в работу нашей машины; лучше оставить её в плохом состоянии, нежели исправлять, не имея знаний» [Там же, 187], советует своим слушателям остановиться, пока не стало поздно, пока не наступили опасные последствия от этих экспериментов. При этом сам Гурджиев всё же наставлял учеников в дыхательных практиках, хотя и дозированно, аккуратно, стараясь вплести эти упражнения в контекст постепенного развития сознания, т.е. «работая в трёх комнатах» одновременно. Как вспоминают Гартманы, «в Эссентуках г-н Гурджиев начал давать нам <...> некоторые сложные упражнения, связанные с вниманием к дыханию <...> Г-н Гурджиев часто нас предупреждал, что упражнения, связанные с дыханием, могут быть даже опасны, если они выполняются неправильно» [Гартман, Гартман, 2019, 223], поэтому неудивительно, что мэтр призывал засекречивать подобные практики из соображений безопасности.

Своё негативное отношение к подобной йоге он ретроспективно вложил во «Встречах с замечательными людьми» в образ самого себя в молодости, а образ мудрого персидского дервиша, который поучает молодого Георгия, явно списан с Гурджиева же, но уже в зрелом возрасте. Мы вправе так мыслить, поскольку Гурджиев не стремился к документальной точности и вообще весьма искусно камуфлировал свои намерения, своё прошлое, напускал туман, в полном соответствии с «путём хитреца», которого невозможно «поймать и определить». Напомним, что «Встречи с замечательными людьми» не считаются исследователями, да и самими гурджиевцами, абсолютно достоверной литературой, и понимаются скорее как некий символ духовных исканий. Авторитетный деятель «четвёртого пути» Аркадий Ровнер в своей работе «Гурджиев и Успенский» пишет: «В то время как автобиографичность первых двух глав “Встреч с замечательными людьми” почти не вызывает сомнений, дальнейшие главы этой книги выполняют скорее аллегорическую функцию и выводят галерею типов и ситуаций, призванных олицетворять те или иные аспекты самого героя. <...> Гурджиев сделал всё, чтобы скрыть факты своей жизни за матовым стеклом анекдотов, притч и аллегорий» [Ровнер, 2019, 163–164].

Понятие «кундалини» в учении Гурджиева

Но, избегая термина «йога», либо цедя его сквозь зубы, может быть, Гурджиев использовал иные термины, с которыми были знакомы все практикующие йогу? Это не так. В его трудах не встретишь таких слов, как «асана», «пранаяма», «мудра», «пратьяхара», «дхарана», «самадхи», «чаakra», «сиддхи» и т. д., как не найти и общеиндийских терминов вроде «сансары», «нирваны» или «кармы». Справедливости ради можно сказать, что некоторые из этих терминов он заменял на западные эквиваленты, говоря, например, о дыхательных упражнениях вместо пранаямы, об осознанности вместо дхьяны, позах вместо асан и т.д., поскольку ориентировался на западную аудиторию. Но дело вовсе не в том, что Гурджиев задался целью перевести йоговский словарь на западный лад. Избегание уже известной на тот момент терминологии вряд ли является случайным, но, скорее всего, лишний раз доказывает тот факт, что Гурджиев старательно выстраивал границу между собственным оригинальным методом и традиционными (как и нетрадиционными) формами йогической практики.

При этом у Гурджиева неожиданно часто встречается такой термин, как «кундалини», который опять же подвергается ироническому высмеиванию. Кундалини – отнюдь не спящая «змеиная» сила в организме человека, как принято считать, а сила воображения и самогипноза, которая блокирует осознанность и погружает его в спячку, сила, подменяющая собой реальность. Это механизм пленения сознания, комфорт для бессознательности и механистичности. Она может располагаться в любом месте организма.

Драматическая история о том, откуда произошла кундалини, представлена в «Рассказах Вельзевула». Появление этой силы связано с космогоническими процессами. Формируя планету Земля, архангелы не слишком удачно рассчитали траектории движения небесных тел, в связи с чем Земля и комета Кондур столкнулись друг с другом, причём «столкнулись так сильно, что от этого удара от планеты Земля откололись два больших куска и полетели в пространство» [Гюрджиев, 2013, 87]. Эти куски получили название Луна и Анулиос. Чтобы сохранить космическую стабильность, на Земле возникла органическая жизнь, включая разумных, так называемых «трёхмозговых» существ. Все живые существа на нашей планете стали неосознанными поставщиками энергии, которая позволяла поддерживать существование Луны и Анулиоса.

При этом архангелы, опасаясь, что люди могут догадаться о таких манипуляциях и воспротивиться этим правилам, и даже доведут себя до самоубийства, на всякий случай вставили в их организм особый орган – кундабуфер. Особенностью этого органа было то, что благодаря ему они «действительность воспринимали шиворот-навыворот» [Гюрджиев, 2013, 93] и испытывали удовольствие от впечатлений. Соответственно, они перестали понимать природу мироздания, впали в эгоизм и страсть, стали совершать разные преступления или творить откровенные глупости.

Такие искажения, а также регулярные войны, убийства людьми друг друга, привели к сокращению их жизненного срока. Из-за подобных процессов погибла Атлантида. Поэтому архангелы изъяли из организма людей кундабуфер, однако эта процедура ничего не изменила, и искажённое видение продолжало довлеть над человечеством. Хотя на Землю посылались впоследствии представители космической иерархии, чтобы вразумить людей (Моисей, Христос, Будда, Мухаммад и др.), это ни к чему толком не привело.

Итак, хотя «кундабуфер» физически удалён из тел людей, они все равно ведут себя так, словно он у них есть. Они привыкли к искажениям и не замечают их. От этого слова, «кундабуфер», по мнению Гурджиева, и происходит современное слово «кундалини» [Там же, 235]. Явно иронизируя над теософским увлечением «силой кундалини», автор «Рассказов Вельзевула» замечает, что «в настоящее время вся так называемая “индусская-философия” построена на этом пресловутом “кундалини”, и относительно этого слова существуют тысячи ничего не объясняющих, разных “сокровеннейших тайных и явных наук”» [Там же, 235]. Нет никаких сомнений, что столь оригинальная трактовка слова «кундалини», не имеющая аналогов в истории, была призвана подчеркнуть отличие системы Гурджиева от других учений и служить критикой в адрес популярных в то время оккультных трактовок опасных сил, которые могут навредить человеку так же, как и неверное использование дыхания. Гурджиевская «кундалини» изымается из йоговского лексикона и наделяется совершенно иным значением.

Заключение

Подведём итоги нашего краткого исследования. Гурджиев, судя по всему, имел своё мнение о «школьной» йоге – как традиционной, метафорически выраженной в «пути йогина», так и нетрадиционной, выраженной в версии Рамачараки и популярной на Западе. Обе эти разновидности не устраивали гуру «четвёртого пути», хотя и по-разному: первая – из-за своей однобокости и отсталости, неэффективности в современную эпоху, вторая – из-за беспечного обращения с опасными силами. Одна слишком стара и слаба, другая слишком юна и глупа. Поэтому он старался одновременно и отмежеваться от них обеих, и как бы исправить их, ведь не случайно четвёртый путь не столько полностью отказывается от трёх других путей, сколько трансформирует, интегрирует их. И Гурджиев согласен называть своё учение йогой только в переносном смысле, отсюда его *айда-йога* как скрыто-протестный термин. Для него очень важно было показать оригинальный, самостоятельный характер своего учения, которое, исходя с Востока (при этом мы не знаем, в какой мере оно испытало восточные влияния), всё же несло на себе печать его личности, его авторского подхода, который он стремился передать своим ученикам.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01093, <https://rscf.ru/project/23-28-01093/>

Acknowledgement

The research is supported by the Russian Scientific fund's grant № 23-28-01093, <https://rscf.ru/project/23-28-01093/>.

Библиографический список

1. Гартман де, О. Наша жизнь с господином Гурджиевым / О. де Гартман, Ф. де Гартман / Пер. с англ. – М.: Традиция, 2019. – 284 с.
2. Греков, И.М. Сознательная эволюция человека в философско-религиозном учении Г.И. Гурджиева: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.14 / И.М. Греков. – Ростов-на-Дону, 2013. – 146 с.
3. Гурджиев, Г. Взгляды из реального мира / Г. Гурджиев. – М.: Энигма, 2021. – 376 с.
4. Гурджиев, Г.И. Рассказы Вельзевула своему внуку / Г. Гурджиев. – М.: Рипол классик, 2013. – 1104 с.
5. Гурджиев, Г.И. Встречи с замечательными людьми / Г. Гурджиев. – М.: Рипол классик, 2017. – 352 с.
6. Йог Рамачарака. Хатха-йога. Учение йогов о физическом здоровье с многочисленными упражнениями / Йог Рамачарака / Пер. с англ. – СПб.: Труд, 1913 – 2-е изд. – 216 с.
7. Йог Рамачарака. Наука о дыхании индийских йогов. Оккультное лечение / Йог Рамачарака / Пер. с англ. – М.: Амрита, 2013 – 7-е изд. – 224 с.
8. Мошкин, А.Н. Синтез культур и квазиисторическая традиция в учении Георгия Гурджиева / А.Н. Мошкин // *Via in tempore. История. Политология*. – 2021. – Т. 48. – № 1. – С. 211–229.
9. Мюллер, Й.П. Моя система. 15 минут ежедневной работы для здоровья / Й.П. Мюллер / Пер. с нем. – Харьков, 1907. – 2-е изд. – 102 с.
10. Ровнер, А.Б. Гурджиев и Успенский / А.Б. Ровнер. – М.: АСТ, 2019. – 448 с.
11. Успенский, П.Д. В поисках чудесного / П.Д. Успенский / Пер. с англ. – М.: ФАИР-Пресс, 1999. – 528 с.

Текст поступил в редакцию 20.01.2025.

Принят к печати 20.02.2025.

Опубликован 26.06.2025.

References

1. Gartman de O., Gartman de Th. *Nasha zhizn' s gospodinom Gurdzhievym* [Our Life with Mr. Gurdjieff]. Moscow: Traditsiya, 2019, 284 p. (in Russian).
2. Grekov I.M. *Soznatel'naya evolyuciya cheloveka v filosofsko-religioznom uchenii G. I. Gurdzhieva*. [Conscious evolution of man in the philosophical and religious teachings of G. I. Gurdjieff. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Rostov-na-Donu: JFU Publ., 2013, 146 p. (in Russian).
3. Gurdzhiev G. *Vzglyady iz real'nogo mira* [Views from the Real World]. Moscow: Enigma, 2021, 376 p. (in Russian).
4. Gyurdzhiev G. I. *Rasskazy Vel'zeyula svoemu vnuku* [Beelzebub's Tales to His Grandson]. Moscow: Ripol klassik, 2013, 1104 p. (in Russian).
5. Gyurdzhiev G.I. *Vstrechi s zamechatel'nymi lyud'mi* [Meetings with Remarkable Men]. Moscow: Ripol klassik, 2017, 352 p. (in Russian).
6. Jog Ramacharaka. *Hatha-joga. Uchenie jogov o fizicheskom zdorov'ye s mnogochislennymi uprazhneniyami* [Hatha Yoga. Yoga Teachings about Physical Health with Numerous Exercises]. St. Petersburg: Trud, 1913, 216 p., 2 ed. (in Russian).
7. Jog Ramacharaka. *Nauka o dyhanii indijskih jogov. Okkul'noe lechenie* [The Science of Breathing of Indian Yogis. Occult Treatment]. Moscow: Amrita, 2013, 224 p., 7 ed. (in Russian).
8. Moshkin A.N. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Politic Studies]. Belgorod, 2021, vol. 48, no. 1, pp. 211–229 (in Russian).
9. Muller J.P. *Moya sistema. 15 minut ezhdnevnoj raboty dlya zdorovya* [My System. 15 Minutes of Daily Work for Health]. Kharkov, 1907, 102 p. (in Russian).
10. Rovner A.B. *Gurdzhiev i Uspenskij* [Gurdzhieff and Uspensky]. Moscow, AST, 2019, 448 p. (in Russian).
11. Uspenskij P. D. *V poiskah chudesnogo* [In Search of the Miraculous]. Moscow, FAIR-Press, 1999, 528 p. (in Russian).

Submitted for publication: January 20, 2025.

Accepted for publication: February 20, 2025.

Published: June 26, 2025.